

Культурная история сентиментализма

Олег Ларионов

Место чувства

СЕНТИМЕНТАЛИЗМ, ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В РОССИИ
РУБЕЖА XVIII–XIX ВЕКА

Oleg Larionov

The Place of Feeling: Sentimentalism, Natural Landscapes and the National Imagination in Russia
at the Turn of the 19th Century

Олег Ларионов

Оксфордский университет, Факультет средне-
вековых и современных языков; аспирант
oleg.larionov@jesus.ox.ac.uk.

Ключевые слова: русский сентиментализм,
места памяти, национализм, историческая
культура

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_141

В статье исследуется роль описаний природных ландшафтов в русской сентиментальной литературе конца XVIII — начала XIX веков. Топографическая точность этих текстов связывается с появлением новых подходов к описанию и воображению пространства в Российской империи. Показывается, как разработанные сентиментализмом способы превращения природной местности в мемориальный локус и активации исторического и национального воображения повлияли на патриотическую литературу эпохи наполеоновских войн и культурные практики образованных слоев русского общества.

Oleg Larionov

University of Oxford, Faculty of Medieval and Modern
Languages; D.Phil. Student
oleg.larionov@jesus.ox.ac.uk.

Keywords: Russian sentimentalism, places of
memory, nationalism, historical culture

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_141

The essay examines the role of descriptions of natural landscapes in Russian sentimental literature of the late 18th and early 19th centuries. It links the topographical precision of these texts to the emergence of new approaches to describing and imagining space in the Russian Empire. It argues that the sentimentalist ways of transforming natural scenery into a place of memory and activating historical and national imagination influenced the patriotic literature of the time of the Napoleonic wars and informed the cultural practices of the educated classes of Russian society.

Хорошо известен факт широкого распространения в Европе и России второй половины — конца XVIII века сентиментальной литературы и культуры чувствительности. Среди существующих истолкований этого феномена следует

выделить точку зрения, согласно которой сентиментальная риторика служила способом воображаемого объединения представителей разных сословий, скрепляя общество через идеалы благотворительности, семейственности и добродетельности¹. Отталкиваясь от этого тезиса, в настоящей статье я рассматриваю роль сентиментализма в конструировании идентичности и оформлении культурных практик образованных слоев русского общества рубежа XVIII–XIX веков². Этот период был временем кристаллизации современных представлений о нации, сопряженных с новым отношением к истории, языку, литературе и идее «народа». В.М. Живов указал на тесную связь, существовавшую между национализмом и сентиментализмом, уделив особое внимание влиянию теоретических построений Ж.-Ж. Руссо на рефлексию русских авторов того времени, в том числе Н.М. Карамзина, об отечественном прошлом и настоящем и особенностях русского национального характера³. Не меньшего интереса заслуживает изображение патриотических эмоций и медитаций на исторические темы в типовой сентиментальной литературной продукции того времени — ценное свидетельство не теоретического осмысления, но стихийного воплощения нового понимания национальной идентичности. В этих текстах на массовом уровне утверждалась модель субъекта, бесконфликтно переходящего в своих мыслях и чувствах от индивидуального к коллективному, и давались наглядные образцы частного, личного переживания своей связи с отечеством и его историей. Особую роль при этом играло географическое воображение. Как я постараюсь показать, во-первых, в литературе русского сентиментализма вырабатывался новый взгляд на географическое пространство, предполагавший эстетическое восприятие и аффективное переживание конкретных природных локусов; во-вторых, этот взгляд среди прочего мог трансформировать местность в место памяти, где чувствительный человек предавался историческим фантазиям и ощущал свою национальную принадлежность; в-третьих, в начале XIX века эти способы взаимодействия с окружающим миром использовались — как в литературе, так и в жизни — для продуцирования патриотических эмоций и символической репрезентации актуального военного опыта.

Географическое воображение русского сентиментализма

Одна из бросающихся в глаза особенностей русской сентиментальной прозы конца XVIII — начала XIX веков — стремление к точной географической локализации описываемых в ней событий. Наиболее очевидным образом это проявляется в таких важнейших текстах русского сентиментализма, как «Путе-

-
- 1 Maza S. *The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850*. Cambridge: Harvard University Press, 2003. P. 59–68.
 - 2 О сентиментальной словесности как источнике «эмоциональных матриц», влиявших на поведение и переживания образованного дворянства того времени см.: Зорин А.Л. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
 - 3 Живов В.М. *Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение*. 2008. № 3 (91). С. 114–140.

шествие из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева и «Письма русского путешественника» (1791–1801) Н.М. Карамзина, в которых привязка повествования к конкретным местам диктовалась самим жанром травелога. Однако аналогичная тенденция обнаруживается и в сентиментальных повестях. Как известно, в «Бедной Лизе» (1792) трагическая история героини разворачивается возле Симонова монастыря в окрестностях Москвы. Ориентируясь на этот популярнейший текст, многочисленные последователи Карамзина также начинают помещать своих персонажей в тщательно выписанные природные и городские ландшафты: берега Ростовского озера в одноименной повести В.В. Измайлова (1795), место впадения реки Ворсклы в Днепр в «Парамоне и Вареньке» (1796) И.И. Мартынова⁴, непарадные районы Петербурга в «Аптекарском острове, или Бедствиях любви» (1800) В.В. Попугаева, Макарьевский монастырь и купеческий Нижний Новгород в анонимной «истинной российской повести» «Несчастливая Маргарита» (1803)⁵.

Интерес сентименталистов к локальной географии следует поместить в исторический контекст. В России вторая половина XVIII века — время повышенного внимания к внутреннему пространству страны, эпоха научных экспедиций и государственной программы по составлению топографических описаний губерний, в рамках которых происходит картографирование земель империи и сбор информации о природных богатствах, человеческих ресурсах и экономическом состоянии подвластных ей территорий⁶. Смежность этих практик и форм знания с литературой путешествий особенно наглядна в случае озабоченного вопросами экономики, общежития и государственного управления Радищева⁷. Однако то же сродство можно наблюдать и у карамзинистов с их педализацией частного и субъективного: недаром в «Путешествии в полуденную Россию» (1800–1802) Измайлов странствует по Украине, Крыму, Кавказу и наблюдает за колонизованными народами, осваивая и символически присваивая недавно присоединенные к империи земли⁸. Словно дополняя более сухие жанры, сентиментальная проза зачастую выбирает те же локальные

-
- 4 Анонимно напечатанная повесть «атрибутируется» Мартынову как раз «на основании геогр<афических> реалий» (Зорин А.Л. Мартынов Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 533).
 - 5 Перепечатки этих повестей вошли в сборники: Русская сентиментальная повесть / Сост. П.А. Орлов. М.: Издательство Московского университета, 1979; Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / Сост. В.И. Корвин. М.: Современник, 1990. Там же см. и другие примеры подобных текстов.
 - 6 Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953. С. 39–89; Shaw D.J.B. Reconnoitring Russia: Mapping, Exploring and Describing Early Modern Russia, 1613–1825. London: UCL Press, 2024. P. 117–174.
 - 7 Логосян Е. Ненаписанное «Путешествие» Радищева // Тьяньновский сборник. Вып. 11. М.: ОГИ, 2002. С. 67–78.
 - 8 В рамках статьи нет возможности остановиться на заслуживающем отдельного разговора вопросе о той значительной роли, которую в географическом, национальном и историческом воображении авторов русских травелогов этого времени начинает играть Украина и Киев. См. об этом: Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012. С. 47–133. См. также: Dusa K. From Indifference to Obsession: Russian Claim to Kyiv History in Travel Literature of the 18th — early 19th Century // Kyiv-Mohyla Humanities Journal. 2023. Vol. 10. P. 193–213.

ориентиры (монастыри, ярмарки, озера, реки), что фиксировались в ходе анкетных обследований местности и вносились в топографические описания⁹, — и пропускает их через субъективное восприятие повествователя, ассоциирует с какой-то частной историей, эстетизирует, оживляет. Литературные описания могли, в свою очередь, стимулировать появление новых практик взаимодействия с реальными локациями. Как известно, благодаря «Бедной Лизе» окрестности Симонова монастыря превратились в место секулярного паломничества сентиментальных туристов, стремившихся причаститься к пространству, восприятие которого определялось для них повестью Карамзина¹⁰.

Выразительные примеры сложных взаимообменов между текстом и местностью дают сочинения И.А. Второва. Так, в 1800 году в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» появляются его прозаические этюды «Моя прогулка» и «Здравствуй май!»¹¹. В первом из них рассказчик, обращаясь к находящейся с ним в разлуке девушке, подробно описывает свои блуждания по неназванному городу «на берегу реки С*»¹². Место, где возлюбленные прежде не раз сидели и «любовались прекрасным местоположением», представляет теперь для него «священный памятник твоего присутствия со мною», «мой алтарь», куда он будет «часто приходить» «с жертвою моих сердечных ощущений»¹³. Детальность, с которой изображен путь к этому мемориальному локусу (городская стена, овраг с репейником, могилы с крестами-голубцами, несколько поворотов налево, осина, наконец, само место «между двух ветляных деревьев», открывающиеся оттуда виды и т.д.), заставляет предположить, что Второв описывает вполне реальный ландшафт (возможно, самарский). Эффекту реальности дополнительно способствует дата, проставленная под текстом: «Сентября 5 числа. 179.. года»¹⁴. Как и сокращенное название реки, это указание одновременно придает тексту ауру подлинности и вуалирует место и время действия от непосвященных читателей, удерживая хрупкий баланс между публичностью и приватностью авторских переживаний. Второй свой этюд Второв сопроводил более точной пометой: «Утро Мая 1 числа 1800 года. — На берегу Волги, в Симбирской Губернии»¹⁵. В этом тексте рассказчик выбирает «единою целию уединенных прогулок» «<л>юбезный памятник Майской прогулки моей прошлого года; ветвистый вяз», на котором он вырезал инициалы своей возлюбленной¹⁶.

Публикуя детальные описания провинциальных природных локусов личной памяти в московском журнале, Второв вписывал себя в воображаемое сообщество симпатизирующих друг другу чувствительных людей. В «Моей прогулке» он использует «священное место» не только для оплакивания разлуки с возлюбленной, но и для чтения девятого тома журнала «Приятное и полезное препровождение времени» (предшественника «Иппокрены»): «Заочной

9 Ср.: Рубинштейн Н.Л. Топографические описания... С. 48, 62–63.

10 Зорин А.Л. Появление героя... С. 170–180.

11 О принадлежности этих текстов Второву см.: Де-Пуле М.Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 117. № 6. С. 483–484.

12 <Второв И.А.> Моя прогулка // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 6. С. 545.

13 Там же. С. 546.

14 Там же. С. 549.

15 <Второв И.А.> Здравствуй май! // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 6. С. 556.

16 Там же. С. 550–551.

знакомец мой *Номохон* прощальною слезою на гробе друга, и другие подобные мне меланхолики, своими мрачными произведениями питали мое уныние»¹⁷. Автором привлекшего внимание Второва текста был скрывавшийся под псевдонимом «Даурец Номохон» Н.С. Смирнов — образованный крепостной, за попытку сбежать в Европу отправленный солдатом в Сибирь¹⁸. Ориентируясь на пример Карамзина («Цветок на гроб моего Агатона»), Смирнов публично оплакивает своего умершего друга: «сидя на каменистом берегу Иртыша под густыми кустами ив и жимолостника» (как указано в примечании, произведение «<п>исано Июня 15, 1795, в Устькаменогорской крепости»), он воскрешает в памяти их совместные прогулки, насыщая текст описаниями природы и упоминаниями бытовых и географических реалий Забайкалья¹⁹. Карамзинский сентиментализм оказывается общим языком Смирнова и Второва, а московский журнал выступает в роли посредника, сводящего их друг с другом в пространстве печати. Служащий на далеких восточных окраинах империи бывший крепостной становится «заочным знакомцем» мелкого чиновника из Поволжья, причем их принадлежность одному и тому же воображаемому обществу определяется тем, что оба они делятся описаниями своей внутренней жизни и окружающей их региональной природы на страницах столичной прессы²⁰.

Насколько сильно сентиментальная словесность могла оформлять опыт субъективного переживания пространства, показывают записки Второва о его путешествии из Москвы в Петербург весной 1802 года²¹. Планируя маршрут, он покупает свежевывшедший «Ручной дорожник для употребления на пути между Императорскими Всероссийскими Столицами»²², следы пристального чтения которого, как показывает А.Ю. Соловьев, обнаруживаются затем в его путевом дневнике²³. Автором этого первого в своем роде путеводителя был И.Ф. Глушков, молодой чиновник родом из тверского купечества, в будущем, подобно Второву, выслуживший себе потомственное дворянство. В его книге сведения по истории, географии, экономике и этнографии населенных пунктов и областей, лежащих между Петербургом и Москвой, перемежались ли-

17 <Второв И.А.> Моя прогулка. С. 549.

18 *Костин А.А., Павлов В.А.* Смирнов Николай Семенович // *Словарь русских писателей XVIII века* / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 3. СПб.: Наука, 2010. С. 139–140.

19 <Смирнов Н.С.> Прощальная слеза на гробе друга // *Приятное и полезное препровождение времени. 1796*. Ч. 9. С. 195–200.

20 Трудно согласиться с тезисом о полном уничтожении в эту эпоху региональных идентичностей логикой государственного универсализма, ср.: *Smith-Peter S. Making Empty Provinces: Eighteenth-Century Enlightenment Regionalism in Russian Provincial Journals* // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2015. Vol. 4. № 1. P. 12–16.

21 *Соловьев А.Ю.* Путевые записки И.А. Второва (Москва — Петербург) // XVIII век. Сб. 28. М.; СПб: Альянс-Архео, 2015. С. 428–472. Стилистически обработанный итоговый текст практически идентичен исходным дневниковым запискам, сделанным прямо по ходу поездки, см.: Там же. С. 437–440.

22 *Глушков И.Ф.* Ручной дорожник для употребления на пути между Императорскими Всероссийскими Столицами, дающий о городах по оному лежащих известия Исторические, Географические и Политические; с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест. Издание второе исправленное и умноженное. СПб.: В Императорской Типографии, 1802. Первое издание книги появилось в 1801 году.

23 *Соловьев А.Ю.* Путевые записки И.А. Второва... С. 432–433, 467–472.

рическими пейзажными зарисовками и сценками из народной жизни, выполненными в карамзинском сентиментальном стиле²⁴. Инсценировавшаяся в «Ручном дорожнике» модель образованного субъекта, держащего в голове факты о прошлом и настоящем родной страны, снисходительно наблюдающего за социальными низами и при случае любующегося красивыми пейзажами, явно пришлась по вкусу публике, и книга пользовалась в свое время определенной популярностью. Для склонного к эстетическому восприятию природы Второва путеводитель стал источником информации о видовых точках, откуда можно было наслаждаться живописными ландшафтами тех мест, которые он проезжал.

Особенно интересно в этом отношении его посещение Твери. Родному городу Глушков отвел в своей книге непропорционально много страниц, введя, в частности, в текст «письмо некоторой девицы», датированное 1795 годом и посвященное детальному описанию города и его окрестностей, а также досуговых практик местного хорошего общества²⁵. Среди прочего в письме упоминается так называемый Воксал — «публичный сад, лежащий на крутом берегу Волги», излюбленное место прогулок горожан²⁶. Второв отправляется в этот парк и с удовольствием предается там практикам культурного потребления природы. Сидя «в одной беседке на берегу Волги», он читает «письмо любезной тверитянки» и позже выписывает из него в свой дневник пассаж с описанием Воксала и сопутствующими размышлениями²⁷. Восхищенный образом тонко чувствующей, благоразумной девушки, которая цитирует Карамзина и обладает вкусом к красотам природы, Второв обращается к своей (пользуясь его же словами из «Моей прогулки») «заочной знакомой»:

Чувствительный, нежный автор! Может быть, несколько раз ты сживала на сем месте, где я сижу теперь. Наслаждайся, милая, всегда достойным тебя благополучием здесь, на прекрасных берегах Волги, в приятном тверском обществе, не завидуй шумным московским собраниям!²⁸

Не довольствуясь переживанием фантазматической компании отсутствующей сочинительницы, чувствительный путешественник материально фиксирует свою причастность к тверскому парку:

Возле беседки сей рассматривал я надписи, вырезанные на берегах французскими и русскими литерами, взшел на самый верх другой беседки по худой лестнице и обломком стекла написал над разбитым окном: «Я здесь был апреля 29 1802 года». Сошел вниз, гулял по берегу, смотрел по течению Волги, послал несколько вздохов на свою сторону, в те места, где питал я лютый яд в моем сердце и где наслаждался небесными восторгами²⁹.

24 О Глушкове и его путеводителе см.: *Любомиров П.Г.* Благонамеренное «Путешествие из Петербурга в Москву». (Глушков и Радищев) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1927. Т. 6. Вып. 3. С. 317–330; *Милов Л.В.* «Дорожник» Ивана Глушкова (к вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева) // Русская литература. 1980. № 3. С. 150–160.

25 *Глушков И.Ф.* Ручной дорожник. С. 136–149.

26 Там же. С. 146.

27 *Соловьев А.Ю.* Путевые записки И.А. Второва. С. 446–447.

28 Там же. С. 447.

29 Там же.

Надпись, удостоверяющая факт и дату личного присутствия в конкретном месте, — аналог печатных сочинений Второва и других сентиментальных авторов: они обозначают одновременно подлинность и типичность субъективного опыта, его вписанность в разделяемую с другими чувствительными сердцами систему координат. Сентиментальная культура — это культура *общих мест* в двойном смысле реальных локаций и предзаданных, воспроизводимых моделей их переживания и описания. Рассказ о своей прогулке Второв завершает словами: «Никогда не забуду я прекрасного тверского воксала на берегу Волги»³⁰. Прочтя описание парка в путеводителе, придя туда, перечитав описание, ощутив эмоциональное родство с автором и закрепив все эти действия и переживания в надписи на беседке и записи в дневнике, Второв в одиночку совершил с Воксалом то же, что многочисленные почитатели Карамзина сделали с окрестностями Симонова монастыря, — он насытил эту географическую точку смыслом и аффектом и превратил ее в место памяти, вокруг которого могло выстраиваться воображаемое эмоциональное сообщество (пускай лишь из двух человек). Как мы увидим далее, совершенно такие же механизмы ассоциирования реальных мест и разделяемых с другими чувств могли не только закреплять в коллективной памяти трогательные истории о любви и дружбе или частный опыт взаимодействия с природой, но и пробуждать историческое воображение, способствуя складыванию воображаемого сообщества нации.

Сентиментализм в поисках мест национальной памяти

Одним из первых по этому пути пустился Карамзин. Уже в «Бедной Лизе» рассказчик, прежде чем обратиться к истории заглавной героини, созерцая Москву и развалины монастыря, предается размышлениям и мечтаниям о прошлых несчастьях и современном процветании России³¹. Сходным образом в стихотворении «Волга» (1794) эта «священная река» предстает, с одной стороны, как малая родина лирического субъекта, где он впервые «чувством жизни наслаждался» и «Природу полюбил», а с другой — как овеянное историческими воспоминаниями место, «где прежде обитали / Орды златыя племена» и «где теперь одной державы / Народы в тишине живут / И все одну Богиню чтут, / Богиню щастия и славы»³². Во второй половине XVIII века накопление сведений о внутренней географии Российской империи шло рука об руку с развитием региональной историографии³³. В поэтическом описании Карамзина государственно-рациональный взгляд, помещавший Волгу в современный политико-экономический контекст (акцентируя значимость реки для торговли, поэт делает отдельное примечание про «суда с хлебом и с другими плодами

30 Там же.

31 Schönle A. Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011. P. 36–38.

32 Карамзин Н.М. Волга // Аглая. Кн. 1. М.: В Университетской Типографии, 1794. С. 23–24.

33 Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 134–142.

земли»³⁴), также сочетался с вниманием к национальному прошлому, а наравне с этим оставлял место и для выражения сутобо личного опыта. Локализованная в конкретной местности национально-историческая чувствительность превращалась в одно из важных свойств современного образованного человека.

Описывая в этюде 1799 года подъем на Царев курган, природную достопримечательность в окрестностях Самары, Второв задается вопросом о происхождении его названия:

Может быть прежде называли сию громаду Царь курганов или холмов; по отличной высоте от прочих; но когда и для чего называли *Царев курган* — я не знаю. Исследовать о том, углубляться в седую древность — не мое дело. Я желал только посмотреть его, и наслаждаться зрелищем с его вершины³⁵.

Хотя чувствительный любитель природы отказывается всерьез думать об историческом прошлом, характерно само сознание возможности, отчасти даже неизбежности, подобного рода мыслей. Закономерно, что ближе к ночи вид кургана вызывает у Второва очень конкретную литературную ассоциацию:

Резкой осенний ветер дует с Заволжских гор, и унылый вой его раздается в каменных утесах кургана. — Дикость и темнота, умножая меланхолию, оживляют в моем воображении мрачные песни Шотландского Барда³⁶.

Как известно, приписанные легендарному древнему барду Оссиану поэмы Дж. Макферсона, о которых здесь идет речь, пришлись по вкусу читателям по всей Европе не только своими картинами возвышенной северной природы, но и окрашенными в чувствительные тона мотивами воинской славы, героической смерти, национального прошлого и поэта как хранителя коллективной памяти³⁷. Что Второв вспоминает Оссиана в связи с курганом (то есть, предположительно, древним захоронением) — вполне симптоматично, и если он сам решил на эту тему не распространяться, то многие другие авторы вели себя иначе.

В 1801 году П.А. Словцов — в будущем автор краеведческих сочинений о Сибири — печатает прозаический фрагмент «Волга». Отчетливо следуя за одноименным стихотворением Карамзина (обращение к реке, контраст кровавого средневекового прошлого и благополучного настоящего, мотив будущих природных катаклизмов), он одновременно насыщает свой текст оссианической образностью. Волжские ландшафты воспринимаются Словцовым как потенциальные места национальной памяти:

...долговечная Волга! поведай мне дела времен прошедших; приведи меня на поле ратное к тем высоким насыпям, где поросли уже частые деревья и трава густая, под коими кроется прах бывших врагов отечества моего; покажи мне на том поле ратном камень мшистый и до половины в землю вросший, под коим в печальной безизвестности почует могучий Руской богатырь, проливший кровь свою за веру Христианскую и за святую Русь; поведай мне имя и подвиги его!³⁸

34 Карамзин Н.М. Волга. С. 24.

35 <Второв И.А.> Царев курган // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. 3. С. 97.

36 Там же. С. 103.

37 Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980.

38 <Словцов П.А.> Волга // Иппокрена, или Утехи любословия. 1801. Ч. 10. С. 210–211.

Говоря словами Бенедикта Андерсона, «<н>е существует более поразительной эмблемы современной культуры национализма, чем кенотафы и могилы Неизвестного Солдата»³⁹. Словцов предстает в своем тексте носителем новой исторической культуры, нуждающимся в подобных мемориалах, но вынужденным — учитывая зачаточное состояние археологии в России того времени — довольствоваться лишь фантазиями о том, как могло бы быть устроено привязанное к конкретной географической локации поминание национального прошлого:

С сердечным умилением на хладный камень сей пролил бы я слезу соболезнования, и на малостройной лире своей воспел бы я его просто, так как сердце бы мне говорило. <...> И тогда житель ближних мест, проходя мимо с странником, указывал бы ему на сей камень и со вздохом сказал бы ему: тут зарыто тело сильного Руского богатыря! лишился он жизни за отечество свое, желая спасти его от ига иноплеменного, от ига кровожажущего Ординца. Да почует прах его с покоем! сказал бы чувствительный странник, и возвестил бы о том в стране породившей его. <...> Может быть и сладкоречивый Бард, вдохновенный патриотизмом, воспел бы его некогда на стройной лире своей — воспел... и имя его воссияло бы во всем бывшем его величии и протекшей славе. Но теперь где кроется прах твой, Герой протекшего времени?⁴⁰

Место национально-исторической памяти, которое посещает «чувствительный странник», находится в очевидном родстве с уже известными нам объектами сентиментального туризма. В обоих случаях литература закрепляет за конкретной местностью определенный набор ассоциаций, как бы спонтанная активация которого в душе человека сигнализирует о его (ее) принадлежности к воображаемому сообществу сочувственников, обладающих коллективной идентичностью. Разумеется, интерес к национальному и историческому в России рубежа XVIII–XIX веков был присущ многим писателям независимо от их литературных пристрастий и ориентиров. Однако роль массового сентиментализма в распространении среди образованных россиян новых форм восприятия географических и исторических ландшафтов родной страны была, по-видимому, довольно существенной. Интересный пример дальнейшего развития очерченных выше тенденций дает, в частности, творчество А.Ф. Мерзлякова.

Патриотизм, предки и природа в эпоху наполеоновских войн: А.Ф. Мерзляков и его читатели

Как известно, в юности Мерзляков принадлежал к дружескому кругу, члены которого во многом сформировались под влиянием сентиментальной культуры и творчества Карамзина, но в то же время пытались наметить пути дальнейшего развития русской литературы, выдвигая в качестве эстетического

39 *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London; New York: Verso, 1991. P. 9.

40 <Словцов П.А.> Волга. С. 211–212.

принципа двойную установку на национальное и возвышенное⁴¹. Требование высоких тем и жанров, интерес к фольклору и народному духу, патриотический энтузиазм, культ героев и гражданских добродетелей, часто антикизированные, были интерпретированы Ю.М. Лотманом как черты присущего этой среде политического свободомыслия. Не отрицая вольнолюбивых настроений кружка, стоит, однако, заметить, что к концу XVIII века ориентированный на античные образцы язык любви к отечеству стал важным элементом официальной политической культуры Российской империи, а целенаправленным пробуждением соответствующих чувствований и продуцированием описывающих их текстов занимались такие образовательные учреждения, как Московский университет и университетский пансион, в которых воспитывались интересующие нас Мерзляков, Андрей Тургенев и В.А. Жуковский⁴². Республиканский пафос вполне мог служить делу прославления империи, особенно в наступающую эпоху наполеоновских войн, отмеченную патриотической мобилизацией и милитаризацией общественного мнения.

В этой перспективе особого внимания заслуживают снискавшие в свое время славу переводы Мерзлякова из Тиртея, в которых, как и в стихотворении Тургенева «К отечеству», Лотман видел важнейшие образцы гражданской поэзии, реализовавшие на практике теоретическую программу Дружеского литературного общества⁴³. Как установил исследователь, появившиеся в ноябре 1805 года в «Вестнике Европы» четыре «Тиртеевы оды» были переведены не с древнегреческого оригинала, а с немецкого стихотворного переложения, приложенного к изданию античного поэта, подготовленному Х.А. Клоцем⁴⁴. Между тем Мерзляков мог и не справляться с этим ученым изданием — немецкий стихотворный перевод обладал вполне самостоятельным статусом и неоднократно переиздавался. Он принадлежал перу Х.Ф. Вейсе, плодовитого автора, памятного прежде всего своими сочинениями для детей, активно переводившимися в России. Называть эти тексты переводами из Тиртея не вполне корректно: если первая, третья и четвертая «ода» в самом деле основываются на фрагментах из Тиртея, то вторая опирается на фрагмент из другого древнегреческого певца воинской славы, Каллина⁴⁵. Своему переводу Вейсе предпослал в ка-

-
- 41 *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту: Тартуский государственный университет, 1958. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63). С. 18–76; *Лотман Ю.М.* А.Ф. Мерзляков как поэт // Мерзляков А.Ф. Стихотворения / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1958. С. 5–54; *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. С. 20–47; *Cooper D.L.* Narodnost' avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the National Turn in Russian Criticism // *Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52. № 3. P. 351–369.
- 42 *Schierle I.* Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // *Ab Imperio*. 2009. № 3. P. 65–93.
- 43 *Лотман Ю.М.* Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе» // *Литературное наследство*. Т. 60. Кн. 1. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 323–338; *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. С. 57; *Лотман Ю.М.* А.Ф. Мерзляков как поэт. С. 24–27.
- 44 *Мерзляков А.Ф.* Стихотворения / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1958. С. 301.
- 45 *Meier M.* Tyrtaios — Die Entstehung eines Bildes // *Antike und Abendland*. 2003. Bd. 49. S. 171; *Свяцков Е.В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: библиографический указатель. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 66, 112–113.

честве эпиграфа хрестоматийные строки из «Науки поэзии» Горация о воодушевляющем воздействии стихов Тиртея (Ad Pis. 402–403), а также небольшую прозаическую справку о легендарном поэте⁴⁶. Тот же эпиграф и заметку (местами переведенную вольно) находим мы и у Мерзлякова⁴⁷.

Итак, его взгляд на древнегреческого поэта задан немецким посредником. Перевод Вейсе появился в печати в 1762 году, во время Семилетней войны, и должен рассматриваться на фоне многочисленной военно-патриотической поэтической продукции тех лет. Метрико-строфическая форма, которую выбирает немецкий перелagатель Тиртея (и сохраняет в переводах второй и четвертой оды Мерзляков), — катрены с чередованием четырех- и трехстопного ямба (Я4343) и сплошными мужскими окончаниями — восходила к английским народным балладам, была использована в «Военной песне» (1749) Ф.Г. Клопштока и получила широкое распространение после появления написанных от лица гренадера «Прусских военных песен» (1758) И.В.Л. Глейма («Тиртея Глейма», как называл его, например, И.К. Лафатер), закрепивших за этим размером военно-героическую семантику⁴⁸. В предисловии Г.Э. Лессинга к циклу Глейма упоминались Тиртей, барды и скальды, а первая строфа первой песни звучала так: «Война — моя песнь! Поскольку все / Хотят войны, да будет война! / Берлин да будет Спартой! Прусский герой / Увенчан славой и победой!»⁴⁹ За отождествлением Пруссии и Спарты стояла политико-эстетическая программа (обоснованная, в частности, философом Т. Аббтом), утверждавшая возможность воскрешения античного духа самоотверженного патриотизма и героизма в условиях современной абсолютной монархии⁵⁰.

Все это выставляет в совершенно новом свете отмеченный Лотманом культ Спарты в Дружеском литературном обществе⁵¹. Характерно, что в программном для сообщества юных энтузиастов стихотворении «Слава» (1799–1801) Мерзляков писал: «Фридрихи, Петры проснитесь, / И вселенна рай узрит!»⁵² Основной посыл как немецкой поэзии эпохи Семилетней войны, так и «гражданственной» лирики младшего тургеневского кружка может быть выражен знаменитым стихом Горация (отсылавшим, как известно, к строкам Тиртея):⁵³ «Dulce et decorum est pro patria mori» (Carm. III 2, 13). Гренадер Глейма восклицал: «Бессмертным делает героя смерть, / Смерть за отечество!»⁵⁴ Ту же мысль повторял Тургенев, обращаясь к отечеству: «Погибель за тебя — бла-

46 *Weiße C.F.* Kleine Lyrische Gedichte. Bd. 2. Leipzig: Weidmanns Erben und Reich, 1772. S. 124, 127–129.

47 <Мерзляков А.Ф.> Известие о Тиртее // Вестник Европы. 1805. № 21. С. 28–29.

48 *Frank H.J.* Handbuch der deutschen Strophenformen. München: Hanser, 1980. S. 141–142; *Sauder G.* Christian Felix Weißes *Amazonen-Lieder* im Siebenjährigen Krieg // «Krieg ist mein Lied»: Der Siebenjährige Krieg in den zeitgenössischen Medien. Göttingen: Wallstein, 2007. S. 195.

49 «Krieg ist mein Lied! Weil alle Welt / Krieg will, so sey es Krieg! / Berlin sey Sparta! Preussens Held / Gekrönt mit Ruhm und Sieg!» (*Gleim J.W.L.* Preußische Kriegslieder. Berlin: Voß, 1758. S. 3).

50 *Martus S.* Aufklärung. Das deutsche 18. Jahrhundert — ein Epochenbild. Berlin: Rowohlt, 2015. S. 649–651, 658–661.

51 *Мерзляков А.Ф.* Стихотворения. С. 301.

52 Там же. С. 216.

53 *Meier M.* Tyrtaios — Die Entstehung eines Bildes. S. 168.

54 «Unsterblich macht der Helden Tod, / Der Tod fürs Vaterland!» (*Gleim J.W.L.* Preußische Kriegslieder. S. 5).

женство, / И смерть — бессмертие для нас!»⁵⁵ Аналогичными мотивами, разумеется, были наполнены и переводы од Тиртея. Еще один член этого дружеского круга, А.Ф. Воейков, в своем чуть более позднем стихотворении прямо цитирует Горация: «Прекрасно умереть в сраженьи! / Смерть за Отечество сладка!», при этом дважды повторенные стихи «К мечам! — настало время славы! / Сыны Отечества, к мечам!», а также строка «По трупам их проложим путь», явно восходят к Мерзлякову, ср.: «К мечам, друзья!» и «Творит себе из трупов путь»⁵⁶.

Переложения Мерзлякова — не единственный пример интереса к военно-патриотической лирике Вейсе в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. В 1796 году в журнале «Муза» был напечатан еще один перевод (причем выполненный белым стихом) песен Тиртея-Вейсе, также в сопровождении эпиграфа из Горация и прозаической заметки о поэте⁵⁷. Кроме того, два «гимна» (псевдо)Тиртея в переводе А.В. Склабовского появились в 1819 году в «Украинском вестнике»⁵⁸. Одновременно с переводами из Тиртея Вейсе пишет — тем же размером и в сходном стилистическом ключе — «Песни амазонок» (1762), насыщенные частными эротическими и общественными патриотическими эмоциями; тесно связанные между собой циклы несколько раз печатаются под одной обложкой и в таком виде обсуждаются критиками⁵⁹. Закономерно, что и на русской почве их рецепция шла параллельно. В 1801 году автор сентиментальных повестей и заметных в свое время сочинений по отечественной истории П.Ю. Львов публикует в «Иппокрене» прозаические «Славянские песни» — «подражание прекрасным песням Амазонок, Немецкого Автора *Вейсе*», в которых патриотически настроенный русский писатель прозрел «дух Славян, тот великий дух, который древле водил полками их и пером *Бояна*»⁶⁰. В целом близко следуя за оригиналом, Львов трансформирует его образную систему «под влиянием как древнескандинавской поэзии, так и песен Оссиана»⁶¹ — отсюда в текст приходят скальды и Один. Наконец, три прозаических перевода из «Песен амазонок» печатаются в «Новостях русской литературы» в том же 1805 году, когда появляются и мерзляковские переложения Тиртея⁶².

55 *Тургенев А.И.* К отечеству // Вестник Европы. 1803. № 4. С. 277.

56 *Воейков А.Ф.* К моим согражданам // Вестник Европы. 1807. № 2. С. 120–121; *Мерзляков А.Ф.* Тиртеевы оды // Вестник Европы. 1805. № 21. С. 33, 36. Ср. также строки о Мерзлякове в «Послании к Привете» (1807) А.А. Палицына: «Нам, русским, кажется в стихах его Тиртей. / Привета, помнишь, как, его читая оды, / При ратных там словах “ступай” или “к мечам” / Невольно и своей я службы вспомнил годы, / Победы наших войск, Румянцева походы, / И ты, приметив весь восторг мой по слезам, / Сказала: “Вот хвала всех лучшая стихам”» (Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю.М. Лотмана; подгот. текста М.Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1971. С. 770).

57 *П.:И.:В.:* Четыре военные песни // Муза. 1796. Ч. 2. № 6. С. 195–204; Ч. 3. № 7. С. 7–14.

58 *Свиясов Е.В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. С. 66, 113.

59 *Sauder G. Christian Felix Weißes Amazonen-Lieder im Siebenjährigen Krieg.* S. 195–196, 206, 210, 212.

60 *Львов П.Ю.* Славянские песни // Иппокрена, или Утехи любословия. 1801. Ч. 8. С. 230.

61 *Шарьткин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. С. 100.

62 *Dreus P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München: Sagner, 2008. S. 316.

Сопряжение чреватой войнами современности с воображаемым героическим прошлым (античным, скандинавским, славянским) и разработанное сентименталистами укоренение разделяемого с другими аффекта в конкретной местности стали определяющими свойствами еще одного произведения Мерзлякова — стихотворения «Мячковский курган», увидевшего свет в июле все того же 1805 года⁶³. В примечании поэт точно указал местоположение заглавной достопримечательности, а также объяснил причины, подтолкнувшие его к написанию этого текста:

По Коломенской дороге, в 30 ти верстах от Столицы, при самой переправе через реку Москву, на горе находится преогромная насыпь, в знак бывшего там сражения с Татарами, опустошавшими столько времени Россию. — Здесь погребены убитые Россияне. — Я восходил на вершину *кургана*. Прекрасное местоположение, вдали древняя Столица, которую (по крайней мере так уверяют) можно видеть отсюда в ясную погоду, самой курган, как величественный памятник упавшим за свободу отечества — вот что заставило меня написать сию пиесу (56).

Подобно Второву, он совершает подъем на курган, но, в отличие от саратовского сентименталиста, его больше занимает национальное прошлое, чем природные красоты. Стихотворение начинается в духе античной надгробной эпиграфии — с призыва к прохожему остановиться перед могилой и постигнуть ее значение: «Остановися Росс! — Се путь твоих побед!» (56). Для современного русского смысл этой монументальной братской могилы — в напоминании о подвиге предков, героизм которых сделал возможным нынешнее величие страны. Используемые Мерзляковым образы отчетливо перекликаются с переводами из Тиртея, которые будут напечатаны несколько месяцев спустя: так, формула «тела врагов — твой след» (56) предвосхищает уже цитировавшиеся слова «Творит себе из трупов путь». Однако в «Мячковском кургане» абстрактная военно-патриотическая топика подвергается исторической конкретизации. Претендуя на историческую достоверность, Мерзляков пускается в примечаниях к отдельным стихам в рассуждения про «зверское обыкновение Татар» (56), осквернявших могилы русских, и длительность татарского ига, ссылаясь на летописи, сообщает, что «<в> реке Москве не редко находят и поныне древние оружия» (59), и даже делится результатами археологических разысканий:

На вершине кургана была построена церковь, в которой совершались поминовения по усопшим. — И теперь еще видно несколько камней, означающих место олтара. — На одном из них вырезано имя Святого, которому посвящен был храм (58).

Историческое знание Мерзляков на протяжении всего стихотворения дополняет поэтическим воображением. Обращаясь к персонифицированному «россу», он пишет: «Ты шел, и прадеды-страдальцы пред тобой / Неслися в облаках, как молнии пред громами» (57). Явление теней предков и присутствие молний — характерные черты оссианического стиля русских авторов того

63 <Мерзляков А.Ф.> Мячковский курган // Вестник Европы. 1805. № 13. С. 56–59. Дальнейшие ссылки на эту публикацию даются прямо в тексте статьи с указанием номера страницы в скобках.

времени, пытавшихся изображать национальное прошлое⁶⁴. Мерзляков ведет себя как тот «сладкоречивый Бард, вдохновенный патриотизмом» на могиле «Русского богатыря», о котором мечтал Словцов. Мячковский курган — гораздо более определенная локация, чем абстрактные волжские берега, однако и в этом случае, как и у Словцова, павший герой оказывается скорее воображаемым, чем реальным:

Там робкая Любовь с Беспечностью играет
Под дубом вековым, которого в тени,
Быть может, некогда, во времена войны,
Израненный герой, с сим светом расставаясь,
На ветви гибкие повесив бранный меч,
Друзьям еще твердил отечество и честь (58).

Впрочем, местом национальной памяти курган служит не только для поэта, но и для местных крестьян:

В сумраке вечера, оратаи собираясь
На холм, скрывающий великих предков прах,
Заводят разговор о страшных временах, —
И трепет по сердцам бежит струею холодной,
Когда ведется речь про бурю сечи ратной! (58–59).

Более того, им, как и предшествующим поколениям, также являются оссианские тени предков, с которыми они образуют единое воображаемое общество живых и мертвых:

Им кажется вдали: полки богатырей,
Склонясь на облака, луною посребренны,
Несутся, — не в грозе, не в треске стрел, мечей, —
Но так как Гении хранители вселенны! (59).

Внимание крестьян к кургану и рассказы о предках — не беспочвенный поэтический вымысел Мерзлякова. Древние могильники часто обрастали преданиями и в новом качестве включались в ритуалы и повседневные практики местных жителей⁶⁵. В случае же Мячковского (Боровского) кургана, только устная традиция и могла превратить это урочище в «памятник упавшим за свободу отечества» — на самом деле никакой значительной битвы с татарами или кем-либо еще в этой местности не было: пищу воображению давали остатки бывшей на холме между XV–XVII веками церкви с погостом⁶⁶. По более позднему свидетельству К.Ф. Калайдовича, «в день Троицын, посвященный памяти почивших, стекается на курган множество окрестных жителей и проводят

64 Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе... С. 77. Оссиан читался и обсуждался в кругу Дружеского литературного общества, см.: Там же. С. 68, 82; Мерзляков А.Ф. Стихотворения. С. 230.

65 См., напр.: Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. С. 180–236.

66 Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–392.

время в ликованиях»⁶⁷. Действительные поминальные обряды, а возможно, и какие-то исторические предания, могли дать любителю фольклора и искателю народного духа Мерзлякову материал для построения картины общенациональной коммеморации отечественных героев прошлого. В этом отношении он следовал за составителями топографических описаний уездов конца XVIII века, которым предписывалось выяснять,

Нет ли каких урочищ, кои знамениты по каким ни есть историческим происшествиям. <...> Не имеют ли жители уезда в общежитии своем каких-либо обычаев. <...> Не обносятся ли между ними какие предания, относящиеся к древним происшествиям, бытиям⁶⁸.

В финале стихотворения Мерзляков, утверждая дидактическое значение изображенного им локуса и снова используя риторические приемы античной эпифафии, поучает живых от лица умерших:

Сюда приди, о Росс, свой сан и долг узнать!
Здесь горняя Любовь, в устах своих героев,
Речет к тебе: Постой; мы пали среди боев,
Мы пали за тебя, за твой покой и честь:
Помысли, что нам в дар можешь ты принести!.. (59).

Стихи Мерзлякова, появившиеся накануне и в начале военной кампании 1805 года, должны были сохранять актуальность и в последующие годы, когда продолжал нарастать вал военно-патриотической лирики⁶⁹. В конце 1806 года Жуковский пишет и публикует «Песнь Барда над гробом Славян-победителей» — стихотворение, которое во многом подхватывает и развивает ключевые особенности поэтики «Мячковского кургана»: осложнение традиционной одической топики оссианической образностью и воображение резонирующих с современностью условно-исторических славян с бардами, курганами и тенями предков, но при этом отчасти стилизованных под античных героев⁷⁰. Как известно, кульминацией этой линии в творчестве Жуковского стал «Певец во стане русских воинов» (1812), благодаря которому поэт заслужил репутацию отечественного Тиртея; Лотман видел в этом стихотворении прямое влияние гражданской лирики Дружеского литературного общества, а также мерзляковских переводов из Тиртея⁷¹. Значимость патриотической поэзии Мерзлякова для эпохи наполеоновских войн подтверждается целым рядом свидетельств. Рассказывая о своих студенческих годах в допожарной Москве, Е.Ф. Тимковский (зачитывавшийся в детстве Карамзиным и знавший «наизусть почти всего Оссиана»⁷²)

67 Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М.: В Университетской типографии, 1823. С. 59–60.

68 Рубинштейн Н.Л. Топографические описания... С. 62.

69 См., напр.: Халиуллин К.Р. Антинаполеоновские кампании 1805–1807 годов и военная тема в русской поэзии // Русская литература. 2021. № 3. С. 142–155.

70 Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Вып. 2. Пг.: Сенатская типография, 1916. С. 378–424.

71 Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. С. 186–188; Лотман Ю.М. А.Ф. Мерзляков как поэт. С. 26–27.

72 Тимковский Е.Ф. Воспоминания // Киевская старина. 1894. Т. 44. № 3. С. 376–378.

вспоминал поездку к Мячковскому кургану, состоявшуюся, по-видимому, где-то между 1806–1810 годами. Выписав (без указания источника) цитированные выше слова Калайдовича, он сопроводил эти общие сведения о кургане бытовой сценкой:

С братом моим В.Ф. и Ф.Я. Ваксмутом, отличным артиллерийским офицером, в простой тележке на лихой ямской тройке, однажды мы отправились туда в прекрасную летнюю ночь. Луна во всей полноте сияла на чистом небе. Мы взошли на высокий курган, и оттуда любовались величественными, необыкновенными, фантастическими видами. <...> В поэтическом восторге мы прочитали наизусть хорошие стихи Мерзлякова, написанные в честь этого кургана, огромной могилы древних наших витязей, павших тут в жаркой битве с татарами; в память их выпили по рюмке мадеры, закусили по походному и, с отрадою на сердце и утомлением в теле, возвратились в Москву, как рыцари скитальческого, и частью сентиментального образа⁷³.

Знакомые по сентиментальной литературе формы эстетического и исторического переживания природного пространства предстают здесь в своем повседневном преломлении, живо рисуя вкусы, нравы и настроения образованной молодежи того времени, выученную спонтанность их патриотических чувств и национально-исторических фантазий.

Навыки ассоциирования географических локаций с историческими событиями, а также совмещения субъективной интроспекции с утверждением коллективной идентичности обрели новую актуальность в 1812 году. Столкнувшись с большой войной на территории родной страны, люди, выросшие в эпоху сентиментализма, в своих реакциях на экстремальную ситуацию зачастую воспроизводили символические модели сформировавшей их культуры. Так, в «Письмах русского офицера», опиравшихся на традиции сентиментальных травелогов, Ф.Н. Глинка описывал, как 4 сентября 1812 года, «стоя на высоком *Мячковском кургане*» и наблюдая за пожаром Москвы, он цитировал строки из стихотворения И.И. Дмитриева «Освобождение Москвы» (о событиях 1612 года), вспоминал про захват Москвы татарами и надеялся, «что *будущее* <...> должно быть некоторым образом *повторением прошедшего*», а значит, столица в очередной раз будет освобождена⁷⁴. История и современность, индивидуальное и национальное сливались здесь до неразличимости. Подражавший Глинке И.И. Лажечников (который, впрочем, по собственному признанию, еще подростком «сделал на французском языке описание Мячкова Кургана»⁷⁵) в «Походных записках русского офицера» рассказывал, совершенно в духе сентиментальной медитативной прозы, как прежде посещал Мячковский курган, чтобы «любоваться прелестными видами», и как теперь осень и война рождают в нем уныние. Впрочем, от элегических настроений он быстро переходил к патриотическому энтузиазму:

73 *Тычковский Е.Ф.* Воспоминания // Киевская старина. 1894. Т. 45. № 4. С. 13.

74 *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. Ч. 4. М.: В Типографии С. Селивановского, 1815. С. 75–77.

75 Цит. по: *Венгеров С.А.* Иван Иванович Лажечников. Критико-биографический очерк // Лажечников И.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1901. С. XXI.

Стою на гордом кургане и повторяю за прекрасным певцом его:

Сюда приди, о Росс, свой сан и долг узнать!

Никогда не чувствовал я так сильно красоты сего изречения, как *теперь*, стоя на сей величественной насыпи, которой святыню берегли веки; на сем памятнике славы наших предков и могиле храбрых. Так, на сем знаменитом холме, клянусь прахом отцов моих и тобою, родина священная! клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками...⁷⁶

Учитывая, насколько хорошо предлагавшаяся в стихотворении Мерзлякова модель героико-патриотической эмоции, укорененной в конкретной местности и завязанной на воображении национального прошлого и почти мистическом контакте с предками, отвечала запросам эпохи 1812 года, едва ли удивительно, что вскоре после изгнания Наполеона появляется стихотворение Н.Д. Иванчина-Писарева «Бородинское поле», целиком построенное на реминисценциях из «Мячковского кургана» (начиная с первого стиха: «Стой Росс! ты подошел к полям Бородина!» — и вплоть до двух заключительных, цитирующих известную эпитафию: «Твоим святым холмам отныне суждено / Вещать: о смертный, стой! бессмертных попираешь!»)⁷⁷. В одном из своих гораздо более поздних краеведческих сочинений Иванчин-Писарев, приводя собранные им сведения о Мячковском кургане, высказывая догадки о его происхождении и отдавая должное «красоте местоположения», вспоминал среди прочего, что «добрый, почтенный А.Ф. Мерзляков написал здесь одно из своих лучших стихотворений», а также цитировал созданное, судя по всему, им самим в 1815 году, после восхождения «на этот холм», четверостишие, посвященное «почившим тут праотцам» и называющее курган «Алтар<ем> отечества»⁷⁸. Все это свидетельствует о том, что в ту эпоху становления национализма и археологии подмосковный курган, «воспет<ый> столь прекрасно известным нашим Поэтом *Мерзляковым*»⁷⁹, привлекал к себе внимание многих знатоков и любителей отечественных древностей⁸⁰.

Возвращаясь же к литературе, природе и войне, стоит отметить, что почти одновременно со стихами Иванчина-Писарева была создана элегия В.И. Туманского «Поле Бородинского сражения» (1817), представлявшая заглавное поле боя в виде места национальной памяти, оказавшись в котором лирический субъект предается медитациям и воспекает героев, павших за отечество. Образцом для этого текста послужила немецкая элегия, посвященная событиям Семилетней войны, — эпоха наполеоновских войн стимулировала усвоение русской литературой более ранних европейских опытов по созданию современной, индивидуально-окрашенной военно-патриотической поэзии⁸¹. Сен-

76 Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. СПб.: В Медицинской типографии, 1820. С. 4–6.

77 Иванчин-Писарев Д.Н. Сочинения и переводы в стихах. М.: В Типографии С. Селивановского, 1819. С. 77–82.

78 Иванчин-Писарев Д.Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.: В типографии А. Семена, 1843. С. 10–14.

79 Макаров М.Н. Письмо к редактору // Вестник Европы. 1820. № 20. С. 307.

80 Ср.: Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. С. 14, 32–34.

81 Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». С. 166–167. Ср. также: Данилевский Р.Ю. Правда старинного поэта (О русских переводах из Эвальда фон Клейста) // Русская литература. 2016. № 4. С. 56–59.

тиментализм со своим интересом к частному и субъективному не заместил, а лишь пересобрал коллективные идентичности, превратив патриотизм, национализм и историческое воображение в естественные реакции чувствительного человека. Личное не противопоставлялось общественному, но перетекало в него. Природные ландшафты представляли перед носителями сентиментальной культуры как множество заряженных аффектами и нагруженных смыслами мест коллективной памяти, через взаимодействие с которыми субъект обретал свою парадоксальную индивидуальность, основанную на интериоризации и воспроизведении шаблонных эмоций и мыслей.

Библиография / References

- Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994.
- (*Vatsuro V.E.* Lirika pushkinskoy pory: «Elegicheskaya shkola». Saint Petersburg, 1994.)
- Данилевский Р.Ю.* Правда старинного поэта (О русских переводах из Эвальда фон Клейста) // Русская литература. 2016. № 4. С. 54–59.
- (*Danilevskiy R.Yu.* Pravda starinnogo poeta (O russkikh perevodakh iz Eval'da fon Kleysta) // Russkaya literatura. 2016. № 4. P. 54–59.)
- Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 114–140.
- (*Zhivov V.M.* Chuvstvitel'nyy natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional'nyy suverenitet i poiski natsional'noy identichnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 3 (91). P. 114–140.)
- Зорин А.Л.* Мартынов Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 533–535.
- (*Zorin A.L.* Martynov Ivan Ivanovich // Russkie pisateli. 1800–1917. Vol. 3. Moscow, 1994. P. 533–535.)
- Зорин А.Л.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (*Zorin A.L.* Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka. Moscow, 2016.)
- Костин А.А., Павлов В.А.* Смирнов Николай Семенович // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 3. СПб.: Наука, 2010. С. 139–140.
- (*Kostin A.A., Pavlov V.A.* Smirnov Nikolay Semenovich // Slovar' russkikh pisateley XVIII veka. Saint Petersburg, 2010. P. 139–140.)
- Кренке Н.А., Лопатина О.А.* Городище Боровский курган // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–392.
- (*Krenke N.A., Lopatina O.A.* Gorodishche Borovskiy kurgan // Arkheologiya Podmoskov'ya. Moscow, 2008. P. 367–392.)
- Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980.
- (*Levin Yu.D.* Ossian v russkoy literature (konets XVIII — pervaya tret' XIX veka). Leningrad, 1980.)
- Лотман Ю.М.* А.Ф. Мерзляков как поэт // Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958. С. 5–54.
- (*Lotman Yu.M.* A.F. Merzlyakov kak poet // Merzlyakov A.F. Stikhotvoreniya. Leningrad, 1958. P. 5–54.)
- Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту: Тартуский государственный университет, 1958. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63.)
- (*Lotman Yu.M.* Andrey Sergeevich Kaysarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni. Tartu, 1958.)
- Лотман Ю.М.* Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе» // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 323–338.
- (*Lotman Yu.M.* Stikhotvorenie Andreya Turgeneva «K otechestvu» i ego rech' v «Druzheskom literaturnom obshchestve» // Literaturnoe nasledstvo. Moscow, 1956. P. 323–338.)

- Лобомиров П.Г.* Благонамеренное «Путешествие из Петербурга в Москву». (Глушков и Радищев) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1927. Т. 6. Вып. 3. С. 317–330.
- (Lyubomirov P.G.* Blagonamerennoe «Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu» (Glushkov i Radishchev) // Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. 1927. P. 317–330.)
- Милов Л.В.* «Дорожник» Ивана Глушкова (к вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева) // Русская литература. 1980. № 3. С. 150–160.
- (Milov L.V.* «Dorozhnik» Ivana Glushkova (k voprosu o prizhiznennom otklike na «Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu» A. N. Radishcheva) // Russkaya literatura. 1980. № 3. P. 150–160.)
- Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998.
- (Panchenko A.A.* Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Saint Petersburg, 1998.)
- Погосян Е.* Ненаписанное «Путешествие» Радищева // Тыняновский сборник. Вып. 11. М.: ОГИ, 2002. С. 67–78.
- (Pogosyan E.* Napisannoe «Puteshestvie» Radishcheva // Tynyanovskiy sbornik. Moscow, 2002. P. 67–78.)
- Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Вып. 2. Пг.: Сенатская типография, 1916.
- (Rezanov V.I.* Iz razyskaniy o sochineniyakh V.A. Zhukovskogo. Petrograd, 1916.)
- Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953. С. 39–89.
- (Rubinshteyn N.L.* Topograficheskie opisaniya naimestnichestv i guberniy XVIII v. // Voprosy geografii. Vol. 31. Moscow, 1953. P. 39–89.)
- Свиясов Е.В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: библиографический указатель. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
- (Sviyasov E.V.* Antichnaya poeziya v russkikh perevodakh XVIII–XX vv.: bibliograficheskiy ukazatel'. Saint Petersburg, 1998.)
- Севастьянова А.А.* Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 134–142.
- (Sevast'yanova A.A.* Istoriografiya russskoy provincii vtoroy poloviny XVIII veka // Istoriya SSSR. 1991. № 1. P. 134–142.)
- Соловьев А.Ю.* Путевые записки И.А. Второва (Москва — Петербург) // XVIII век. Сб. 28. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 428–472.
- (Solov'ov A.Yu.* Putevye zapiski I.A. Vtorova (Moscow — Petersburg) // XVIII vek. Moscow; Saint Petersburg, 2015. P. 428–472.)
- Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012.
- (Tolochko A.* Kievskaya Rus' i Malorosiya v XIX veke. Kyiv, 2012.)
- Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.
- (Formozov A.A.* Issledovateli drevnostey Moskvy i Podmoskov'ya. Moscow, 2007.)
- Халцуллин К.Р.* Антинаполеоновские кампании 1805–1807 годов и военная тема в русской поэзии // Русская литература. 2021. № 3. С. 142–155.
- (Khalullin K.R.* Antinapoleonovskie kampanii 1805–1807 godov i voennaya tema v russkoy poezii // Russkaya literatura. 2021. № 3. P. 142–155.)
- Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980.
- (Sharypkin D.M.* Skandinavskaya literatura v Rossii. Leningrad, 1980.)
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 1991.
- Cooper D.L.* Narodnost' avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the National Turn in Russian Criticism // Slavica and East European Journal. 2008. Vol. 52. № 3. P. 351–369.
- Drews P.* Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München: Sagner, 2008.
- Dysa K.* From Indifference to Obsession: Russian Claim to Kyiv History in Travel Literature of the 18th — early 19th Century // Kyiv-Mohyla Humanities Journal. 2023. Vol. 10. P. 193–213.
- Frank H.J.* Handbuch der deutschen Strophenformen. München: Hanser, 1980.
- Martus S.* Aufklärung. Das deutsche 18. Jahrhundert — ein Epochenbild. Berlin: Rowohlt, 2015.
- Maza S.* The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- Meier M.* Tyrtaios — Die Entstehung eines Bildes // Antike und Abendland. 2003. Bd. 49. S. 157–182.
- Sauder G.* Christian Felix Weißes *Amazonen-Lieder* im Siebenjährigen Krieg // «Krieg ist mein Lied»: Der Siebenjährige Krieg in den zeitgenössischen Medien. Göttingen: Wallstein, 2007. S. 193–214.

Schierle I. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // *Ab Imperio*. 2009. № 3. P. 65–93.

Schönle A. Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.

Shaw D.J.B. Reconnoitring Russia: Mapping, Exploring and Describing Early Modern Russia, 1613–1825. London: UCL Press, 2024.

Smith-Peter S. Making Empty Provinces: Eighteenth-Century Enlightenment Regionalism in Russian Provincial Journals // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2015. Vol. 4. № 1. P. 7–29.